

Николай БАБИЛУНГА

РАСПАД СССР И КРИЗИС МОЛДАВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Молдавская ССР как союзная республика просуществовала полвека. Гибель этой формы государственности молдавского народа и его дезинтеграция тесно связаны с переходом в конце 80-х гг. местных национально-партийных номенклатурных элит союзных республик на позиции агрессивного национализма, русофобии и антикоммунизма. Эти позиции позволили названным элитам сравнительно быстро трансформироваться в независимые от центра могущественные кланы компрадорской буржуазии в процессе начавшейся «перестройки» и грабительской приватизации, т. е. дележа национальных богатств народов СССР узкими группами лиц, обладавших в своих республиках монополией на государственно-административные, политические и социальные функции власти.

Советский Союз с конца 80-х гг. как единая многонациональная держава был обречен, несмотря на то, что подавляющее большинство советских людей выступало против дезинтеграции единой страны. На первом в истории Советского Союза референдуме 17 марта 1991 г. подавляющее большинство советских граждан высказалось за сохранение и обновление его. Это при том, что в Прибалтике, Молдавии, Грузии и некоторых республиках СССР власти категорически запретили проведение референдумов, и любое «непослушание» чрезвычайно жестоко подавлялось милицейскими и прочими карательными органами, недостатка в которых не было. Советский Союз был обречен, потому что национальные правящие элиты утратили необходимость в существовании централизованной вертикали власти и сознательно разрушили ее, развалив единое государство.

Этому способствовала авторитарная форма власти советской системы, отсутствие противовеса партийно-государственным органам власти в виде развитого гражданского общества с его институтами оппозиции, свободной прессой, общественными независимыми ассоциациями и другими автономными политическими подсистемами, которые не сложились, да и не могли сложиться за считанные годы так называемой «перестройки». Бурная деятельность всевозможных «народных фронтов» и подобных им «неформальных» объединений, неожиданно возникших в 1988 г. с задачей шумной симуляции «на-

родных волеизъявлений» в виде «великих национальных собраний» и прочих лицедейств, была, как ныне неоспоримо доказано, почти во всех бывших республиках СССР инспирирована агентами советских секретных спецслужб, вдохновлялась и прямо направлялась как центральными, так и местными структурами власти. Введенное в заблуждение деморализованное, дезориентированное, неструктурированное общество всех союзных республик ничего не смогло противопоставить буржуазной контрреволюции «сверху» начала 90-х гг., в результате которой сказочно обогатилось до 10 % населения, составлявших правящие национальные элиты. Страна была разрушена, а населяющие ее народы отброшены в период средневековья и варварства, погружены в кровопролитные межэтнические конфликты и войны, в невиданные по масштабам и безысходности перманентные кризисы.

Однако «прорабы перестройки» как внутри страны, так и вне ее, архитекторы насильственного развала СССР не учли, что страна не может расползтись точно по границам пятнадцати республик, которые устраивались в сталинские и хрущевские времена абсолютно произвольно. Эти границы имели условный характер и терпеливо игнорировались гражданами СССР до тех пор, пока в житейском отношении не имели для них никакого или почти никакого значения. Положение изменилось коренным образом, когда границы, паспортные режимы, гражданство стали резать по живому не только целые народы, но и семьи, судьбы, интересы и устремления людей. Развал СССР с железной закономерностью вызвал и распад неопитов «суверенитета» и «независимости». И произошло это вопреки желанию правящих кланов национально-коммунистической верхушки той или иной республики.

Во всех пятнадцати новообразованных государствах необычно остро встали национальные, языковые и территориальные вопросы. Семьдесят миллионов человек, т. е. почти каждый третий гражданин бывшего СССР, оказались за пределами своих национально-государственных образований. Во многих случаях они стали объектом гонений, притеснений, издевательств не только со стороны разъяренных толп (как правило, управляемых), но и со стороны государственных органов суверенных республик. Оскорбительные клички «манкурты», «оккупанты», «пришельцы», «мигранты» и др. в отношении сотен тысяч собственных сограждан прочно вошли в лексикон таких политиков, как Ландсбергис, Дудаев, Снегур, Гамсахурдиа, и прочих могильщиков СССР. Миллионы беженцев, потерявших работу, имущество, близких, семьи, заполнили пространство бывшего СССР. Только в течение одного 1992 г. в конфликтах и войнах на этой территории погибло 150 тыс. бывших граждан СССР, что в 11 раз боль-

ше, чем за 10 лет войны в Афганистане. «Мировая общественность» в лице ведущих средств массовой информации, лидеров и политиков стран Запада абсолютно равнодушно наблюдала за этим невиданным в современной истории по массовости и циничности нарушением прав человека.

Джинн сепаратизма, выпущенный из бутылки партийно-государственными элитами союзных республик в период их целенаправленной и методичной работы по развалу Советского Союза, не испарился с гибелью Союза, а развивался и продолжает царствовать на бывших его просторах, набирая силу и размах. Вышли из-под контроля властей суверенной и независимой Грузии Южная Осетия и Абхазия, ставшие ныне самостоятельными государствами. Азербайджан после тяжелой кровопролитной войны потерял (и, видимо, навсегда!) Нагорно-Карабахскую Республику. С большим трудом и в кровавом вооруженном конфликте Россия удержала в своем составе Чеченскую Республику Ичкерия, из которой было изгнано большинство «русскоязычного» населения. В этих республиках создана или восстановлена своя государственность со всеми необходимыми структурами и атрибутами независимости самостоятельной страны. В одном ряду с ними и Приднестровская Молдавская Республика. И в наше время, через 20 лет после развала СССР, мы можем наблюдать постоянное наращивание усилий по укреплению автономии и независимости в Татарстане, Башкортостане, Гагауз Ери, Республике Крым, Горном Бадахшане, Карелии, Уральской Республике и других регионах. Тлеют, временами вспыхивая, временам угасая, конфликты в Таджикистане и Киргизии. Не избегают роста сепаратистских настроений и такие вроде благополучные страны «золотого миллиарда», как Англия, Канада, Бельгия, Испания.

Таковы наиболее общие условия дезинтеграции бывших союзных республик и образования на их территориях новых государств, неподконтрольных существующим властям. Без учета общих моментов трудно понять раскол Молдавии в начале 90-х гг., создание Приднестровской Молдавской Республики, особенности конституционного строя последней, связанной с возрождением и эволюцией государственности на р. Днестр. В каждом отдельном случае аналогичные процессы протекали своими уникальными и непохожими путями, которые определялись местными этнополитическими и культурно-историческими факторами. Свой трудный, подчас трагический путь пришлось пройти и народу Приднестровья в образовании, строительстве и защите своего государства как единственной возможности спасения от агрессивного прорумынского национализма, от экстремистских сил, захвативших рычаги государственного управления Молдовой.

Раскол Молдавии берет начало в конце 1988 г., когда в столице МССР Кишиневе усилиями некоторых представителей творческой интеллигенции - писателей, журналистов, преподавателей вузов и т. д., лидеры которых, как правило, являлись штатными осведомителями КГБ, были сформированы национал-экстремистские кружки и группы, объединившиеся затем в Народный фронт. Поначалу откровенно антисоветских и прорумынских лозунгов они не выдвигали и не представляли для единства МССР и ее государственности какой-либо серьезной опасности. Если бы! Если бы национальная партийно-бюрократическая номенклатура не решила использовать их в качестве ударного отряда для борьбы со своими более компетентными конкурентами иных национальностей, для полной ликвидации подчиненности центру, освобождения от его контроля своих насиженных вотчин... Расшатанный в первые годы перестройки каркас советского бюрократического абсолютизма мог быть укреплен идеологией государственного национализма, разжиганием ксенофобии и этнических распрей, стравливанием граждан различных национальностей и поиском внутреннего врага, «виновного» во всех бедах молдавского народа. Именно поэтому в короткие сроки национал-экстремистские организации были возвращены национал-бюрократической элитой Молдавской ССР при одновременном очищении партийных, государственных и общественных структур от убежденных интернационалистов, которые могли бы помешать осуществлению подобных планов.

Постепенно чистки приобретали массовый характер и осуществлялись в обстановке травли, нарушения прав человека и существовавшего тогда законодательства. Сценарий раскола общества в Молдавии мало чем отличался от аналогичных планов в других республиках. Универсальным «ключом» становился закон о государственном языке. Большинство средств массовой информации, переданных национальной бюрократией в руки фронтистов, в первой половине 1989 г. развернули настоящий психологический террор и давление на общество, имитируя как бы волеизъявление молдавского народа: объявить молдавский язык единственным государственным языком в республике, несмотря на то, что им владело немногим более 60 % населения, а русским - практически все. Кроме того, объявлялась идентичность молдавского и румынского языков. Молдавский переводился на латинскую графику, что сразу же отбрасывало и многих молдаван в разряд малограмотных «манкуртов», ибо литературным румынским языком в республике владели очень немногие представители гуманитарной интеллигенции, втайне исповедовавшие свою румынскую идентичность.

Отличие молдавского пути раскола общества от эстонского, латышского, грузинского, азербайджанского и других путей было очень су-

щественно. Если в тех республиках раскол шел по линии: коренные (азербайджанцы) - армяне; коренные (эстонцы) - русские, советские оккупанты; коренные (грузины) - абхазы, осетины, турки-месхетинцы и др., то в Молдавии водораздел не только отделял «коренных» от «пришельцев», но и раскалывал самую «титულную» нацию.

Дело в том, что замена молдавского языка румынским, принятие румынской государственной символики, изменение учебных программ в школах и вузах по румынским стандартам, предание анафеме самих понятий «Молдавия», «молдаванин», «молдавский» потребовало массового изменения этнической идентичности молдавского народа. Те из молдаван, кто не желал ударными темпами перевоплощаться в румын, кто пытался сохранить историческую самобытность народа, его традиции, культуру и менталитет, объявлялись «манкуртами», изувеченными коммунистическим режимом. Эти молдаване стали особенно ненавистны идеологам правящего прорумынского режима и причислены к врагам национальной элиты «бессарабских румын».

Таким образом, раскол Молдавии зарождался и развивался не столько по этническому, сколько по политическому принципу. Противостояние оформлялось не между молдаванами как «коренной», «титульной нацией», с одной стороны, и гагаузами, русскими, украинцами, болгарями, евреями как «мигрантами», «пришельцами», «оккупантами», с другой стороны. Названные термины - принятое в начале 90-х гг. и используемое в речах высших государственных чиновников деление граждан Молдавии на своеобразные касты. Усилиями властей и официальной пропаганды соседи, сослуживцы, знакомые, друзья и даже родственники были поделены на «добрых хозяев» и «обнаглевших пришельцев», на «коренных жителей» и «оккупантов», на «румынских патриотов», сыновей и дочерей румынской матери-родины и «манкуртов», «шантистов», «идэчобанистов», носителей «примитивного молдавенизма». Противостояли две политические силы, две системы, два мировоззрения.

С одной стороны - это альянс правящей национальной бюрократии и национал-экстремистского Народного фронта. Цель - сохранение в целостности и неприкосновенности всех привилегий и преимуществ системы унитарного этнократического абсолютизма, прежде всего - неограниченного господства над богатствами страны и монополии власти; геополитическая переориентация Молдавии на Запад, превращение края в полуколониальную окраину Румынии при безраздельном господстве нескольких семейных кланов компрадорской буржуазии над нищим, безграмотным, вымирающим населением. Путь - насаждение этнической и социальной розни, разделение населения на враждующие между собой группы, милитаризация сознания гражд-

дан, разжигание конфликтов до степени гражданской войны или, как выразился яркий представитель этих сил премьер-министр М. Друк, «ливанизация Молдавии» и «бейрутизация Кишинева».

С другой стороны, построение в Молдавии правового цивилизованного государства, демилитаризованного, демократичного и свободного, федералистского, с широкими полномочиям местных властей, межнациональной гармонией и этнической свободой по примеру Швейцарской конфедерации или Аландских островов Финляндии; геополитическая ориентация на укрепление традиционно тесных связей с восточными соседями либо честная политика неприсоединения и разоружения под соответствующими гарантиями мирового сообщества. В этом заинтересованы самые широкие слои всех представленных в Молдавии этносов и в первую очередь - молдаване, поскольку агрессивная румынизация может в скором времени привести к постепенному исчезновению этноса. Путь - активный поиск компромиссов, укрепление мер доверия между различными этническими общинами, отказ от любых форм политического насилия, языковых или национальных притеснений, запрещение каких бы то ни было национальных преимуществ и лингвистических преференций, уважительное отношение государства ко всем этносам и гражданам республики, безусловный отказ от провозглашаемого приоритета прав нации (румынской нации) над правами человека.

Желание первой стороны распространить тоталитарный режим мононациональной бюрократии на максимально возможные пределы и заставить подчиниться ему тех, кто никоим образом органически не принимал этот режим, вызвало конфликт и привело к кровопролитному противостоянию, привело к трагедии - гражданской войне и расколу Молдавии. Молдавская ССР была упразднена партийно-национальной номенклатурой, а ее территория выведена из правового поля СССР. Республика Молдова стала полем политического действия одной стороны (с некоторыми коррективами середины 90-х гг.), Приднестровская Молдавская Республика - ареной политического творчества другой. Необходимо учитывать существование в Молдове мощных левых сил, ориентированных на создание цивилизованного демократического государства, которые, правда, пока не в состоянии в корне переломить ситуацию. В Приднестровье, в свою очередь, существуют прорумынские, прокишиневские элементы, желающие установить у себя национал-тоталитарный «конституционный порядок», однако организационно не оформленные и не способные навязать обществу свой менталитет.

Отличие заключается в том, что в Приднестровье названные элементы состоят главным образом из маргинальных личностей, не способных не только интегрироваться в референтное сообщество, но и

навязать ему хоть в малейшей степени свою перевернутую систему ценностей. В Республике Молдова же маргинальные представители социальных субгрупп, составлявшие постоянный контингент фронтистских шествий, митингов, «великих национальных собраний», погромов и бесчинств, рекрутировались и возглавлялись фанатично настроенными прорумынскими интеллигентами с их лозунгами и призывами: «Мыть кишиневский асфальт русской кровью», «Молдавия - для молдаван», «Чемодан - вокзал - Россия!», «Русских - за Днестр, евреев - в Днестр!». Они были искусственно выпестованы и подняты национал-бюрократической элитой на уровень «народа», поэтому сумели навязать свою антиобщественную волю, свою систему антиценностей, свою мораль и нормы поведения тому обществу, в которое они не могут интегрироваться.

Доминирующее положение национал-маргиналов Народного фронта в Молдове конца 80-х - начала 90-х гг., их жестокая антинародная диктатура, походы на Гагаузию и Приднестровье, погромы административных зданий, газет, частных квартир, избиения и убийства ни в чем не повинных людей - все это объясняется острой необходимостью национальной бюрократии в подобной субгруппе для сохранения своего господствующего положения в политике, экономике, образовании, науке и культуре республики. Справедливое по закону возмездие за преступления могло бы отпугнуть маргиналов, внести в их ряды неуверенность и смятение, ослабить ударный отряд националистов, что не входило в планы партийно-бюрократической национальной элиты.

Наоборот, гарантированная системой полная индульгенция за преступления любой тяжести поощряла к расширению и углублению гражданского конфликта, вовлекая в него новые силы. Так, безнаказанные выступления на митингах и в печати с клеветой и оскорблением национальных чувств привели к погромам, глумлению над флагом, другими советскими символами (еще не отмененными), а затем к срыву военного парада 7 ноября в г. Кишиневе, штурму здания МВД. В свою очередь, безнаказанный погром МВД - к разгрому редакций русскоязычных газет, избиениям и убийствам случайных людей, погромам частных квартир. Безнаказанность за преступления привела к походу на Гагаузию военизированного сброда, убийству приднестровцев на Дубоссарском мосту, нападением полицейских и специально подготовленных террористов Молдовы на жителей г. Дубоссары, с. Кошница, г. Григориополь. с. Роги, г. Бендеры. Они оставили кровавые следы на земле Приднестровья, которые явились знаковыми символами намечавшейся широкомасштабной войны с применением танков, авиации, тяжелой артиллерии, трагедии мирного города Бендеры.

Альянс национал-бюрократической номенклатуры с маргиналами при посредничестве представителей национальной творческой интеллигенции базировался, таким образом, на «взаимовыгодном» сотрудничестве: система гарантировала маргиналам безнаказанность за преступления; маргиналы обеспечивали системе постоянную и целенаправленную эскалацию конфликта от лозунга «Мы в своем доме!» до боевых вылетов Миг-29, развязывания гражданской войны. Прорумынские фанатики из рядов молдавской интеллигенции получили возможность делать политическую карьеру, соревнуясь в разжигании низменных страстей наэлектризованной толпы, открыто удовлетворять свои патологические комплексы русофобии и публично призывать своих сторонников в лоно румынской «родины».

Но самое главное - эскалация насилия помогала укреплять жесткую тоталитарную систему бюрократической власти националистов, усиливать репрессивные органы, расширять и сплачивать вокруг национальной идеи бюрократический аппарат, раздувать милитаристский психоз в стране, направлять недовольство низов на указанных им «врагов» и, конечно, нагло и грабительски обогащаться за счет присвоения «приватизированных» богатств республики. По мере погружения республики в пучину экономического кризиса и социального хаоса, разжигания гражданской войны и углубления раскола Молдавии функционеры этнобюрократического режима богатели, захватывая в собственность то, что раньше считалось государственным или общенародным достоянием всех, причем, вне всякой конкуренции, контроля со стороны, обладая полной монополией на власть.

Нельзя не выделить особенности национальной психологии местной бюрократии, формировавшиеся и развивавшиеся в течение многих веков (примерно полтысячелетия). Можно ли сбрасывать со счетов такой долговременный фактор? Аналитики и наблюдатели при рассмотрении настоящей темы почему-то игнорировали его.

В течение 300-летнего османского ига в силу ряда особенностей молдавского феодализма привилегированные слои княжества могли развиваться экономически и обогащаться только тогда, когда находились на государственной службе, близко стояли к государственной иерархии. Чтобы быть в средневековой Молдавии богатым, обязательно нужно было иметь отношение к распределению и перераспределению централизованной ренты, государственных налогов. Те феодалы, которые не были причастны к государственной службе и занимались своими вотчинами, быстро разорялись и превращались в крестьян-резешей. В тех условиях обогащаться могли только бояре-откупщики и бояре-чиновники. «Свободные» и «независимые» от государственного аппарата становились крестьянами.

В силу этого обстоятельства психология «власть - это богатство» вошла в плоть и кровь молдавского чиновничества. Если для американского или западноевропейского государственного служащего вполне естественна и даже гораздо более важна формула «богатство - это власть» (демократическая система выборов требует популярности, создания имиджа, рекламы, а значит - денег), то для молдавского чиновника богатство, как и политический вес, авторитет, жизненные блага, надежность положения и даже семейное благополучие рождает и олицетворяет только власть. Без должности нет жизни. И цель всей жизни - в государственной должности.

В эпоху 100-летнего пребывания Бессарабии в составе России, чиновники которой буквально изошрялись в умении давать и получать взятки, ее система отнюдь не способствовала слому сложившейся психологии служащих, а два десятилетия румынской оккупации еще больше укрепили ее (хотя чиновничество Бессарабии почти сплошь составляли выходцы из Старого королевства, воспитывавшиеся в системе Османской империи в таких же условиях, как и чиновничество молдавское).

В советские времена, сталинскую, хрущевскую и брежневскую эпохи, несмотря на их непохожесть, была одна чрезвычайно характерная особенность социально-политической ситуации для всех режимов - частная собственность на средства производства отсутствовала. Все функции управления и распределения сосредоточивались в партийно-государственных структурах, что вполне соответствовало сложившемуся менталитету и лишь усиливало его особенности. Сделать карьеру в любой области (науке, архитектуре, медицине, искусстве, образовании, журналистике и др.) можно было, находясь в структурах власти либо прислуживая им. Способности, талант, упорный труд, порядочность, профессионализм почти никакого значения не имели, чаще мешали. Как шутили в 70-е гг., для успешной карьеры в Молдавии человеку нужны были три «диплома»: «высшее образование», «член КПСС» и «молдаванин» - все остальное происходило автоматически.

Начало эпохи гласности и перестройки с ее мощным демократическим напором на бюрократию, когда с высоких трибун раздавались призывы: «Хватит содержать дармоедов-бюрократов! Не ловит мышей - не кормите!», в высшей степени напугало бюрократическую олигархию МССР. В этих условиях переход национальной бюрократии на позиции агрессивного национал-экстремизма был не просто реализацией (когда «стало можно») тайных подавленных русофобских настроений и даже не глубоко продуманными планами скорого обогащения за счет государственной собственности в пери-

од будущей приватизации. Это был инстинкт самосохранения целого социального слоя партийно-государственных управленцев. В какой-то определенный момент они в массе своей стали думать и действовать одинаково, в едином порыве, возможно, не договариваясь между собой. Так стая ворон из десятков и сотен тысяч особей, летящих в одном направлении, вдруг, подчиняясь неизвестной нам силе, в некое неуловимое мгновение поворачивает в сторону. Все до единой, в одно мгновение.

Неожиданный «залет» партийно-государственной олигархии Молдавии в стан пещерного антикоммунизма и первобытного сепаратизма диктовался инстинктом самосохранения. Все «басни» о каком-то «национальном возрождении» были рассчитаны на самый низкий уровень понимания. Да и сам термин «национальное возрождение», введенный в тот момент акынами национальных элит союзных республик, в настоящее время не может не выглядеть злым издевательством и над нацией, и над возрождением.

Ситуация в Приднестровском регионе МССР складывалась несколько по-иному благодаря уникальным историческим особенностям этой территории. После присоединения Днестровско-Бугского междуречья к России в конце XVIII в., после выдворения кочевых татар с этих земель они заселяются, главным образом, молдаванами, украинцами и русскими. Вот уже более двухсот лет национальная структура населения Приднестровья обладает устойчивой стабильностью, причем все три основных этноса, составляющие единый народ Приднестровья, не претерпевают в удельном весе каких-либо существенных колебаний. Они находятся в условиях неизменного равновесия, к тому же ни один из них не представляет собой большинства. Никто из них не только не объявляет себя «коренным», но и не выдвигает себя в качестве единственного этноса, который испытывает жгучую потребность в ускоренной программе «национального возрождения» за счет прочих, в провозглашении одного государственного языка и подавления, законодательного ограничения всех других языков и культур. Молдаване составляют приблизительно 33,5 %, русские - 30 %, украинцы - около 30 %, болгары - 2 %, почти столько же евреи, гагаузы и белорусы - по 0,6 %.

В Приднестровье за последние несколько сотен лет не сложилось этнического большинства, которое пожелало бы объявить себя «титупной» нацией в ущерб прочим, «нетитупным», или так называемым «некоренным» народностям. Провозглашение 2 сентября 1990 г. Приднестровской Молдавской Республики (ПМР) преследовало цель - создание исключительно молдавской гусударственности в условиях, когда национальная элита Молдовы взяла курс на отказ от своей молдавской идентичности, на усиленную и насильственную румыни-

зацию молдавского этноса и утверждение румынской идентичности.

Самоидентификация населения Приднестровья представляет собой явление, в очень сильной степени отличающееся от идентификации населения Республики Молдова (РМ). Для менталитета населения ПМР не характерны болезненная раздвоенность сознания и глубокое противоречие в определении своей национальной идентификации, которые характерны для молдавского населения РМ последнего десятилетия благодаря усилиям элиты национальной интеллигенции про-румынской ориентации. Свою румынскую идентичность признает в ПМР лишь считанное количество респондентов-молдаван.

На вопрос: «С населением какого из соседних государств вы видите наибольшее сходство?» - лишь 15 % всех респондентов ответили: «С населением Молдовы» (32 % респондентов-молдаван, 6 % русских, 8 % украинцев). С населением России обнаружили сходство 15 % (13 % всех респондентов-молдаван, 23 - русских, 13 - украинцев), с населением Украины - 9% (7 % русских и украинцев). Но большинство приднестровцев видят в своем народе уникальный этносоциальный и культурный феномен, ибо наибольшее количество (44 %) ответили, что «отдельные черты сходства с населением соседних государств, несомненно, есть... но в целом население Приднестровья уникально» (ответили 39 % респондентов-молдаван, 47 % русских и 40 % украинцев).

Таким образом, вопрос о государственности не явился для населения Приднестровья искусственным и навязанным извне, как это зачастую преподносится средствами массовой информации Молдовы. Он полностью соответствует исторически сложившимся особенностям и менталитету приднестровского населения. Согласно социологическому опросу 1998 г., только 9 % всех опрошенных отрицательно ответили на вопрос: «Считаете ли вы, что население Приднестровья имеет право на самостоятельную государственность?». Более 70 % являются активными сторонниками своей республики, двое из десяти не определились. Лишь 6 % приднестровцев видят будущее региона в качестве части Молдовы как унитарного государства. За федеративные отношения с Молдовой высказались 18 % опрошенных, за независимость ПМР - 15, федеративные отношения с Россией - 22, вхождение в союз Белоруссии и России - 28. Следовательно, 83 % жителей Приднестровья являются республиканцами и выступают за укрепление государственности ПМР, более тесные отношения с восточными соседями.

Неудивительно, что, как только созрели необходимые политические условия для возрождения государственности на р. Днестр, республика была создана в течение нескольких месяцев. Необходимо

отметить, что за полтора года до развала СССР власти Молдовы провозгласили курс на выход из Советского Союза и создание независимого государства, что сразу лишало население Приднестровья союзного гражданства и ставило его перед угрозой возможного включения в состав Румынии. В июне 1990 г. Верховный Совет Молдовы принял два документа, чрезвычайно важных для понимания механизма раскола республики и образования ПМР:

- Декларацию о суверенитете Советской Социалистической Республики Молдова, принятую высшим органом законодательной власти 23 июня 1990 г., в которой объявлялось о фактическом выходе Молдовы из Союза ССР, в том числе о верховенстве законов Молдовы над союзными законами; об оставлении земли, недр, воды и прочих экономических, финансовых, научно-технических потенциалов и ценностей в руках государства Молдовы; об объявлении Молдовы демилитаризованной зоной и др.

- Заключение комиссии Верховного Совета МССР по политико-юридической оценке советско-германского договора о ненападении и дополнительного секретного протокола от 23 августа 1939 г., а также их последствий для Бессарабии и Северной Буковины, принятое 18 июня 1990 г.

Названный советско-германский договор потерял всякую юридическую силу 22 июня 1941 г., когда фашистская Германия вместе с Италией, Румынией, Венгрией, другими сателлитами нарушили его условия. Данный документ не нуждался в «отмене» той стороной, которая его и не подписывала, т. е. органами государственной власти МССР. Однако власти, находившиеся под контролем ударного отряда национальной бюрократии, так называемого Народного фронта, сочли возможным принять этот документ, чтобы объявить Молдавию оккупированной частью румынского государства: «28 июня 1940 г. СССР оккупировал силой оружия Бессарабию и Северную Буковину вопреки воле населения этого края. Незаконное провозглашение 2 августа 1940 г. Молдавской ССР было актом расчленения Бессарабии и Буковины».

Отмена акта 2 августа 1940 г. создавала чрезвычайно редкий и запутанный прецедент. Дело в том, что объявление собственной государственности порождением иноземного оккупационного режима не так часто встречается в мировой практике, но оно имело два абсолютно предсказуемых последствия:

а) юридическая самоликвидация страны, прерывание юридической преемственности власти должны были одновременно сопровождаться полным самороспуском всех органов законодательной, а впоследствии и исполнительной власти, поскольку названные орга-

ны были созданы оккупационным режимом (как следует из цитируемых документов) на территории другого независимого государства;

б) на территории данной страны после ликвидации оккупационных властей следовало бы провести под эгидой международных организаций плебисцит о дальнейшем государственном устройстве с последующим формированием всех необходимых органов власти и наделением их соответствующими прерогативами. Это тем более было необходимо, поскольку акт 2 августа 1940 г. ликвидировал молдавскую государственность на левом берегу р. Днестр. Поэтому провозглашение Бессарабии и Буковины частью румынского государства совершенно обязательно должно было сопровождаться референдумом населения той части бывшей Молдавской ССР, которая никогда не входила в состав Румынии и которая с отменой МССР обязана была пройти все необходимые процедуры самоопределения.

Руководство СССР (правительство М.Горбачева) не отреагировало на отмену парламентом Молдовы акта 2 августа 1940 г., хотя по законам существовавшего тогда еще СССР республиканское правительство не имело прерогатив отменять конституционные законы союзного правительства. Тем самым, т.е. своим бездействием, правительство СССР определенным образом признало отмену акта 2 августа 1940 г. и одновременно признало незаконность создания Молдавской ССР и «незаконность» самих властей Молдовы, которые «отменили»... сами себя.

Многонациональный народ Приднестровья был поставлен перед выбором: вернуться ли ему в состав Украины в качестве автономной республики, признать ли Приднестровье вслед за Молдовой оккупированной румынской землей или приступить к созданию собственного независимого государства. На многочисленных собраниях трудовых коллективов, митингах и сельских сходах, референдумах народ Приднестровья высказал свои надежды и желания свободно и демократично.

Борьба против кишиневского национал-экстремизма развернулась в Приднестровье в августе 1989 г. в ходе предупредительной забастовки против дискриминационных законов о государственном языке. По сведениям ОСТК, на 30 августа бастовало 179 коллективов республики и еще более 400 выразили солидарность с бастующими, оказали им материальную помощь. Это было невиданное по своему размаху и масштабам самое мощное рабочее движение во всей многовековой истории Молдавии. Требования бастующих: провести всенародное обсуждение и постатейное голосование по законопроектам в городских, районных и поселковых Советах; учесть предложение тираспольского городского Совета о введении двух государственных языков.

Нежелание национальной бюрократии совместно искать компромиссные решения привело к принятию Верховным Советом Молдавии законов «О возврате молдавскому языку латинской графики» и «О статусе государственного языка МССР», а затем - «О функционировании языков на территории МССР». Политический раскол общества - это именно то, за что боролась национальная номенклатура все годы «перестройки», - стал реальностью. Руководство республики проявило несвойственную ему твердость в поддержке национал-экстремистских сил, в осуществлении их тактических и стратегических замыслов. Забастовка закончилась поражением рабочего движения, но население Приднестровья вышло из нее окрепшим, имея бесценный опыт политической борьбы.

В г. Рыбница 3 декабря 1989 г. состоялся первый в СССР региональный референдум. Перед горожанами был поставлен вопрос о целесообразности создания Приднестровской Автономной Советской Социалистической Республики (ПАССР), и 91 % голосов был отдан за создание такой республики. События развивались стремительно.

Аналогичный референдум был проведен 6 января 1990 г. в Тирасполе, и 96 % голосов были отданы за вхождение города в ПАССР в случае создания республики. В апреле на сессиях горсоветов Тирасполя, Бендер и Рыбницы было отказано в признании на своей территории румынского флага, принятого фронтистскими депутатами парламента Молдовы без обсуждения. Прекратили свою работу в Верховном Совете ССР Молдова в мае 1990 г. депутаты от Приднестровья, подвергшиеся в высшем органе законодательной власти беспрецедентным избиениям, оскорблениям, шантажу и угрозам. И вслед за тем на I Съезде депутатов всех уровней в с. Парканы было принято решение о создании Приднестровской свободной экономической зоны.

Летом того же года референдумы о вхождении в ПАССР прошли в г. Бендеры («за» - 97,4 %), в Рыбницком районе (98,6 %), в г. Дубоссары (87 %). На II Чрезвычайном Съезде депутатов всех уровней Приднестровья 2 сентября 1990 г. в Тирасполе была провозглашена Приднестровская Молдавская ССР. Депутаты избрали также временный Верховный Совет и приняли Декларацию о суверенитете, в которой заявлялось, что Приднестровская Молдавская ССР – суверенное государство в составе Союза ССР. Объявленный властями Молдовы незаконным акт от 2 августа 1940 г. рассматривался данной Декларацией в качестве исторической и политико-правовой основы государственного самоопределения народов Молдавии. Признавая языки всех народов на территории ПМР (молдавский, украинский, русский и др.) равноправными, Декларация провозгласила: «Приднестровская МССР создана как демократическое правовое государство и обеспе-

чивает равенство прав и обязанностей граждан всех национальностей, которые народ ПМССР составляют.

ПМССР гарантирует соблюдение прав, свобод и интересов человека, не допускается деление граждан по национально-языковым критериям, им гарантируется защита от шовинизма, национал-тоталитаризма, бюрократизма посредством соблюдения законов, принимаемых демократическим путем».

А через два месяца, 2 ноября 1990 г., в Приднестровье пролилась кровь: полицейские Молдовы впервые применили оружие против мирных жителей - трое молодых людей погибли, шестнадцать человек были ранены. Национал-бюрократическая номенклатура Молдовы с помощью прорумынской части творческой интеллигенции, подобострастно устраивавшая на р. Прут «мосты из цветов», на р. Днестр проявляла свои способности совсем по-другому.

С самого момента образования ПМР руководство Молдовы не скупилось на угрозы, грубую ругань и выпады не только в отношении лидеров новой республики, но и в адрес всего народа - всех жителей Приднестровья. Даже в отношении Верховного Совета Союза ССР 13 ноября 1990 г. была направлена удивительная по своей нелепости телеграмма, в которой лидеры Молдовы, еще полгода тому назад рассматривавшие Советский Союз с известной точки зрения концепции «империи зла» и объявлявшие себя оккупированными румынами, неожиданно решили пугнуть руководство СССР скорым началом гражданской войны в связи с образованием Приднестровской Республики: «Не нам объяснять вам, что нарушение Конституции и территориальной целостности одной из союзных республик по существу приведет «по законам домино» к всеобщему натиску на республиканские и союзную Конституцию, что, несомненно, может послужить началом гражданской войны». Буквально через неделю, 20 ноября 1990 г. руководство Молдовы в обращении к населению левобережья Днестра подчеркивало: «Мы провозгласили себя суверенным государством. Это значит, что мы хотим быть подлинными хозяевами своей земли, всех ее богатств, хозяевами своей судьбы». Ни о каком «законе домино» номенклатура не вспоминала, когда речь заходила о развале общего государства и приватизации бюрократией национальных богатств республик. Более того, эскалация братоубийственных конфликтов организовывалась ею последовательно и с размахом.

Вооруженными группами спецназа Молдовы в августе 1991 г. были схвачены и вывезены в Кишинев из городов и сел ПМР многие общественные и политические деятели, народные вожди, в том числе и депутаты действовавшего в Кишиневе парламента, т. е. люди, обладавшие неприкосновенностью; 29 августа в Киеве был незаконно

арестован признанный лидер Приднестровья И.Н. Смирнов, что привело к блокаде железной дороги женским забастовком ПМР. Не прошло и месяца, как вооруженные ополченцы предпринимают вторую попытку прорваться в г. Дубоссары, применяя оружие против мирных жителей. А в декабре - третье вооруженное нападение полиции Молдовы на Дубоссары. На своем посту погибли работники ГАИ ПМР. Однако все это являлось лишь прелюдией к широкомасштабной агрессии Молдовы против ПМР в начале марта 1992 г., в том числе и к неспровоцированному нападению в июне 1992 г. на мирный незащищенный город Бендеры. Только в конце июля, в результате подписания между Россией и Молдовой при участии Приднестровской Молдавской Республики Соглашения о прекращении огня и мирном разрешении конфликта, была создана трехсторонняя Объединенная контрольная комиссия (ОКК), определены зоны безопасности, и российские миротворческие силы разъединили враждующие стороны.

Чего же добилось руководство Молдовы агрессией против ПМР? С той и другой стороны тысячи убитых, десятки тысяч раненых, изувеченных, покалеченных; сотни детей-сирот, тысячи несчастных семей, потерявших своих близких; миллионы леев, миллионы рублей материальных убытков; моральные издержки и политические потери Молдовы как государства-агрессора, с одной стороны, - и единение народа Приднестровья перед лицом смертельной опасности, политические симпатии мировой общественности к ПМР как жертве агрессии, с другой стороны.

Этого можно было избежать, не допустить пролития крови, убытков, раскола Молдавии. Стоило только почувствовать обеспокоенность сотен тысяч людей и создать компромиссные лингвистические законы. Стоило лишь принять предложение об основании в Приднестровье свободной экономической зоны или организации Приднестровской Автономной Республики в составе МССР. Стоило (какая малость!) не избивать и не изгонять из парламента депутатов от Приднестровья, внимательно выслушать их. Стоило всего лишь проявить минимум понимания устремлений народа Приднестровья и на высшем уровне договориться о взаимном делегировании полномочий между властями РМ и ПМР, начать кропотливый поиск взаимоприемлемых решений федеративной реконструкции унитарной Молдовы.

Однако такова, очевидно, природа мононациональной тоталитарно-бюрократической элиты, которая представляет интересы и силы мракобесия, национальной и социальной дискриминации собственных сограждан. Для того, чтобы пойти на переговоры с молодым государством - Приднестровской Молдавской Республикой, народ которой желает жить в правовом цивилизованном государстве, в котором права человека являются высшей государственной ценностью и целью

системы, национал-бюрократическая олигархия должна была бы изменить силам, которые она представляла, и самой себе. Цветы в ее представлении были хороши для р. Прут, а для наведения мостов в Приднестровье использовались силы полиции, карабинеров, регулярной армии, рекрутов из «волонтеров», танки, тяжелая артиллерия, авиация, минометы и пулеметы.

Национал-демократические силы, пришедшие к власти в Молдове, на деле представляли собой национальную часть старой партийно-государственной бюрократии, сохранившей и даже приумножившей в годы «перестройки» в своих руках всевозможные синекуры. Именно она, в первую очередь, являлась заложником раздутого средствами массовой информации милитаристского психоза в республике митинговых бесчинств наэлектризованных маргинальных толп, погромной безнаказанности и черносотенного мракобесия. Все это ею не только порождалось и разжигалось, но и чрезвычайно пугало данные силы. Они были наименее компетентными, наименее гибкими и наименее способными к проведению адекватной и прагматичной политики, направленной на благо народов Молдавии, к недопущению ее раскола, сохранению единства и территориальной целостности, нахождению общественного консенсуса и согласия.

Если кто-то из них в глубине души лично и предвидел гибельность проводимой политики, то все вместе в качестве единого клана они выступали за ужесточение курса по отношению к «русофонам» и «сепаратистам», соревнуясь между собой в кровожадности и бескомпромиссности программ и планов «восстановления конституционного порядка». Даже сам этот термин не может не шокировать наблюдателя своей абсурдностью. Ведь речь шла о «восстановлении конституционного порядка» в пределах той территории, которая была создана актом 2 августа 1940 г., отмененным будущими «восстановителями» как незаконный в июне 1990 г. Следовательно, ими восстанавливалась та сталинско-молоотовская территориальная «целостность» республики, которая уже была объявлена вне закона и которая ежедневно проклиналась подконтрольными властям средствами массовой информации, радио и ТВ.

Предъявляя лишь слегка завуалированные территориальные требования к Украине и объявляя не только земли Молдовы, но и часть земель Украины территорией румынского государства (кстати, без ясно выраженного согласия румынского правительства), власти Молдовы в специальном заявлении от 30 ноября 1990 г. решительно осудили «попытки негативного влияния на перестроечные процессы в угоду сторонникам сталинщины и застоя», которых они обнаружили в лице «лидеров сепаратизма», и которые якобы «стремятся расчле-

нить Молдову, задушить пробудившееся национальное самосознание ее народа».

То, что Приднестровская Молдавская Республика создавалась в том числе и с целью защиты молдавского этноса от агрессивной румынизации, властями Молдовы тщательно скрывалось от населения, как и то, кто же на самом деле был сторонником «сталинщины и застоя», активным вдохновителем и исполнителем антинародных законов и даже уголовных преступлений во имя сохранения и укрепления тоталитарного и унитарного режима бюрократического абсолютизма этнократии Молдовы.

Образование ПМР угрожало ли территориальной целостности и суверенитету отколовшейся от Советского Союза Республики Молдова? Все предложения о создании в Приднестровье свободной экономической зоны или автономной республики, не говоря о просьбах второго государственного языка, мыслились и лидерами рабочего движения, и населением в целом исключительно в рамках единой Молдавии. Таким образом, создание ПМР давало шанс политическому классу Молдовы сохранить целостность страны и вести ее по пути европейских ценностей, исключивших полунацистские эксперименты.

Как же обстояло дело после II Чрезвычайного Съезда депутатов всех уровней Приднестровья, то есть после возрождения государственности в форме союзной республики?

Съезд принял 2 сентября 1990 г. ряд основополагающих документов, положивших начало Второй республике в Приднестровье: постановление, провозгласившее создание республики в составе Союза ССР, Декларацию об образовании ПМССР, Декрет о государственной власти, политико-правовое обоснование создания ПМССР и другие документы, а также заявление народных депутатов Приднестровья в адрес председателя Верховного Совета ССРМ М.Снегура: «Наша главная цель - обеспечение свободного и равноправного, не на словах, а на деле, развития всех народов Приднестровской Молдавской Социалистической Республики. II Съезд народных депутатов выражает готовность сохранить и развивать взаимовыгодное сотрудничество и связи в различных областях общественной и социально-экономической жизни между республиками».

На территории Приднестровья 25 ноября 1990 г. состоялись выборы в Верховный Совет ПМР первого созыва. Через несколько дней, на первой сессии Верховного Совета депутаты сформировали палаты национальностей и палату республики, комитеты и комиссии. В конце ноября прошел второй этап II Чрезвычайного Съезда депутатов всех уровней Приднестровья, на котором была одобрена деятельность временного Верховного Совета. Несмотря на то, что руководство Мол-

довы признало 27 ноября состоявшиеся в Приднестровье выборы недействительными, Съезд в своем постановлении отметил, что «народные депутаты всех уровней ПМССР и их избиратели видят сохранение целостности ССР Молдова на основе содружества республик, на принципах федерации равноправных республик с делегированием определенных полномочий федеральным органам власти».

В Декларации о суверенитете ПМССР и Декрете о государственной власти республики, принятых на первой сессии ВС ПМР первого созыва, были заявлены основные конституционные параметры новой государственности: территория и народ; структура власти в Приднестровье; гражданство; социальное и экономическое развитие; экологическая безопасность; культурное развитие; внешняя и внутренняя безопасность; международные отношения и государственная символика. Верховные Советы Гагаузии и Приднестровья в начале декабря 1990 г. приняли специальную Декларацию об объединении республик, в которой обе стороны выразили намерение объединиться на федеративной основе, для чего требовалось создать комиссию по разработке федеративного договора, при этом «в целях сохранения территориальной целостности Молдавии, установления гражданского мира и согласия Верховные Советы ГР и ПМССР обращаются к Верховному Совету ССР Молдова с предложением о вхождении в образуемую федерацию». Это была еще одна возможность сохранить целостность Молдавии на путях реформирования и демократизации общественной жизни республики. Это был еще один шанс сохранить государственность Молдавии от кризиса, не допустить ее гибели в границах МССР. Найдется ли хоть один здравомыслящий человек, который стал бы это отрицать?

Ответ Молдовы - усиление насилия и возведение террора в ранг официальной политики государства. Особенно заметен стал террор после того, как население Приднестровья приняло участие в голосовании («за» - 93 %) на Всесоюзном референдуме 17 марта 1991 г. в условиях, когда кишиневский режим запретил проведение референдума на территории Молдовы и лишил ее жителей возможности высказать свое отношение к судьбе Союза.

Власти Приднестровья предприняли новую попытку решить спорные вопросы за столом переговоров и сохранить территориальную целостность Молдавии. 26 апреля 1991 г. Верховный Совет ПМССР принимает обращение к властям Молдовы, в котором, исходя из Постановления Совета Национальностей Верховного Совета СССР от 26 апреля 1991 г. «О путях достижения согласия по нормализации обстановки в ССР Молдова», предложил незамедлительно начать переговоры по выработке компромиссных решений: «Общественно-

политическая ситуация вокруг Молдовы и в целом по стране такова, что сегодня нельзя с уверенностью сказать, к какой форме государственности придет Союз ССР и каково будет там место Молдавии. Реальностью является и то, что у нас разные подходы к данным вопросам. Наша позиция известна и подтверждена неоднократно волеизъявлением народа Приднестровья. Поэтому для сохранения целостности ССР Молдова и совместного решения задач по достижению реального государственного суверенитета, нормализации общественно-политической обстановки ПОВТОРНО предлагаем рассмотреть предложения о федеративном устройстве Молдавии. В этом мы видим единственный на сегодняшний день путь к миру и стабильности».

Однако поиски пути к миру и стабильности менее всего беспокоили правившую в Молдове национальную олигархию. Президиум Верховного Совета Молдовы в середине апреля 1991 г. принимает постановление, обязывающее карательные органы республики «принять оперативные и эффективные меры по обеспечению неукоснительного исполнения законодательства ССР Молдова» в Приднестровье. Здесь содержалось провокационное «предупреждение» руководства СССР о том, что Молдова приняла решение «пересмотреть свои обязательства... в отношении средств и способов поддержания конституционного правопорядка в республике и сохранения ее территориальной целостности». Проведенные вскоре рейды вооруженных групп спецназовцев Молдовы, аресты, избиения, похищения людей, развязанный в Приднестровье террор, который сопровождался резкими выступлениями политических деятелей и средств массовой информации Молдовы, запугиванием и угрозами, ясно представили приднестровцам эти «средства и способы». Никаких сомнений в действительном стремлении властей Молдовы к развязыванию гражданской войны, ни у кого больше не оставалось.

В этих условиях десятая сессия Верховного Совета ПМССР первого созыва принимает 25 августа 1991 г. Декларацию о независимости ПМССР, в которой независимость Приднестровского государства связывалась с неоднократным отказом Молдовы от предложений об образовании федеративной республики и провозглашалась естественным и необходимым условием существования государственности: «Приднестровская МССР создана как демократическое правовое государство, призванное обеспечить равенство прав и обязанностей граждан всех национальностей, образующих народ Приднестровской МССР». Декларация приобрела силу конституционного закона. А через неделю, 2 сентября 1991 г., IV Съезд депутатов всех уровней Приднестровья утвердил Конституцию, герб и флаг ПМССР. Съезд

отметил, что, несмотря на огромные трудности, на отсутствие опыта парламентской, законодательной работы, был принят ряд важных судьбоносных для народа Приднестровья документов: Декрет о государственной власти; Декларация о суверенитете; законы о правительстве и председателе Приднестровской МССР, о местном самоуправлении и основах местного хозяйства, о государственном бюджете и банковской системе; приняты Декларация о независимости и Конституция (Основной закон) ПМССР. Все это позволило за год создать фундамент государственности, поэтому съезд счел необходимым обратиться к V Внеочередному Съезду народных депутатов СССР с предложением о признании независимости и суверенитета ПМССР, а главное - об участии республики как самостоятельного субъекта в подписании Союзного договора.

Судьба договора была, как известно, решена в Беловежской пуще. Но развал Советского Союза не нанес государственности Приднестровья смертельного удара. В республике был проведен референдум о независимости 1 декабря 1991 г. и одновременно состоялись выборы первого президента ПМР на альтернативной основе. На выборах за И.Н. Смирнова отдали свои голоса 65,4 % избирателей, за независимость ПМР – 98 %. Верховный Совет ПМР принимает 18 декабря 1991 г. постановление, в котором, выражая неколебимую волю народа Приднестровья к созданию на новой основе единого политического, экономического, финансового, стратегического и общегражданского пространства, одобрил образование Россией, Украиной и Белоруссией Содружества Независимых Государств, а также поручил президенту Смирнову решить с учредителями СНГ вопрос о вхождении ПМР в Содружество.

В течение последующих четырех лет ПМР жила по своей первой Конституции, принятой с некоторыми последующими дополнениями и изменениями 2 сентября 1991 г. В эти годы процесс укрепления государственности принял необратимый характер, ибо опирался на волю и чаяния подавляющего большинства граждан республики, отвечал их самым насущным интересам и ожиданиям. Формирование органов государственной власти, кредитно-финансовой системы, создание системы правоохранительных органов, вооруженных сил ПМР, переход всех предприятий и учреждений под юрисдикцию республики, регулярно проводимые выборы в центральные и местные органы власти способствовали стабилизации общественно-политической обстановки и выживанию государственности в условиях финансово-экономической, политической, информационной блокады со стороны Молдовы.

Провал военно-террористических авантюр военщины и национал-

экстремистов Молдовы способствовал укреплению международного авторитета ПМР, разрыву международной дипломатической и экономической блокады, несмотря на крайне ОСТОРОЖНОЕ отношение международного сообщества к процессам признания «самопровозглашенных» государств. В настоящее время ни у кого (в том числе и у правящих кругов Республики Молдова) не вызывает сомнения полная экономическая, государственная, политическая юрисдикция законно избранных властей ПМР над территорией Приднестровья, как и то, что органы государственной власти республики созданы и функционируют стабильно и слаженно по воле народа, а не в результате заговора «белых воротничков», «коммунистических директоров», «шовинистов-сепаратистов» и прочих страшилок газетной пропаганды национал-олигархического режима властей Молдовы.

Борьба с экономическим кризисом в сложившихся условиях непризнанности, наметившийся рост экономики, активизация внешних связей, совершенствование кредитно-финансовой системы, укрепление и развитие системы власти в целом привели к необходимости реформирования законодательства и совершенствования механизмов власти, которые бы соответствовали новым условиям сохранения мира и безопасности государственности в условиях утверждения политической стабильности. После широкого обсуждения политическими кругами и общественностью республики текст новой Конституции ПМР был вынесен на общереспубликанский референдум и получил всенародное одобрение 24 декабря 1995 г., Основной закон вступил в силу после подписания его президентом ПМР 17 января 1996 г.

Конституция, по которой ныне живет и развивается ПМР, соответствует самым высоким требованиям и международным стандартам. В Приднестровье признается государственная, частная и иные формы собственности, в равной степени защищенные государством. Граждане ПМР пользуются всеми основными свободами. Причем презумпция невиновности, запрещение свидетельствовать против себя и своих родных, как и многие другие нормы цивилизованного права, внесены в Основной закон как конституционные положения. Официальными языками, закрепленными Конституцией, являются молдавский, русский и украинский. Гражданам государство гарантирует получение бесплатного образования: среднего общего и среднего специального, причем основное общее образование обязательно. На конкурсной основе каждый вправе получить и бесплатное высшее образование. Гарантируется бесплатное медицинское обслуживание. К сожалению, приходится констатировать, что экономическая блокада, мировой финансовый кризис и другие внешние обстоятельства чрезмерно затрудняют использование гражданами ПМР этих конституционных прав. Но эти трудности не являются имманентными, присуци-

ми нашей системе изначально. Они лишь факт нашего сегодняшнего бытия и беспрецедентного давления извне.

Конституция Приднестровской Молдавской Республики живет и действует. Нельзя не отметить главный принцип организации системы законодательства, власти, государственности и общественных отношений, по которому в конце XX в. жили самые цивилизованные народы планеты, - принцип субсидиарности. Он предполагает установление полного приоритета прав и интересов личности по отношению к правам и интересам любой общности (национальной, партийной, религиозной, культурной и др.). Общности более мелкие, а потому более близкие к личности (например, семья) имеют приоритет перед правами более крупных общностей, объединений более высокого порядка (в том числе партий, профсоюзов и т.д.).

Субсидиарность исходит из той аксиомы, что в человеческом обществе ничего нет выше конкретной человеческой личности. Все прочие общности, в которых участвует эта личность, - семья, партия, профсоюз, религиозная община, национальность, трудовой коллектив, ассоциации, организации и учреждения - и вне которых она не может реализовать себя как таковая, в конечном счете, являются субсидиарными, т.е. добавочными к конкретному индивиду. И ни в коем случае не наоборот - не индивид для нации, для партии, для завода или учреждения. Поэтому деятельность государства и гражданского общества, деятельность любых существующих общностей следует рассматривать только с точки зрения субсидиарности (дополнительности) к интересам индивида, правам человека. В целом публичная сфера дополнительна к частной сфере.

Эта гуманистическая идея рано или поздно восторжествует и у тех народов, государственность которых провозглашает какую-либо сверхценную цель - национальное возрождение, расовую чистоту, ликвидацию классов, ибо тоталитарная система прежде всего предполагает наличие какой-то объединяющей идеи, которой подчиняются все и вся. В Конституции ПМР нет упоминаний о Республике Молдова. Но она содержит необходимый механизм для изменения положений ряда разделов Основного закона. И если бы руководство ПМР сумело договориться с властями РМ о создании на неких условиях единого государства, что потребовало бы изменения соответствующих статей Конституции, данная ситуация могла бы быть разрешена исключительно на основе всенародного референдума, т. е. одобрения этого шага гражданами ПМР. Практически такой шаг маловероятен, хотя теоретически он не исключен, если Молдова «созреет» для принятия идеи субсидиарности, причем не только в своих внутренних

отношениях, и согласится распространять ее на федеративные отношения.

Субсидиарность в области федеративных отношений создает в государстве наиболее эффективный и обоснованный механизм управления, нацеленный на самую полную реализацию интересов личности и прав каждого конкретного человека, распределяя компетенции центральной и местных властей, исходя из потребностей отдельно взятого гражданина. Примерно такая система функционирует в Швейцарской конфедерации. В этой системе федерализма центральная власть является добавочной (субсидиарной) к местной территориальной власти. Последняя имеет приоритет по сравнению с руководством более высокого уровня. Полномочия передаются снизу вверх, и только те, которые власти нижестоящих общностей не имеют возможности реализовать. А вышестоящие органы не имеют права и возможности вмешиваться в действия более мелких общностей в самых широких пределах их компетенции, которые соответствуют интересам буквально каждой конкретной личности, входящей в данную общность.

Федерация на самом верхнем уровне осуществляет лишь те функции, которые не могут реализовать ни субъекты федерации, ни местное самоуправление.

Способна ли национал-бюрократическая система Молдовы принять идеи subsidiarity и перестроиться в соответствии с ними? Это означало бы ее самоликвидацию. Что ждет нас в будущем? Покажет время. Но уже сейчас можно твердо сказать, что время показало правильность выбора, сделанного народом Приднестровья в 1990 г. Жертвы и лишения были не напрасными.

Остается только выразить осторожную надежду, что распад СССР, закономерно ликвидировавший его детище, Молдавскую ССР, и раскол молдавской государственности через череду трагических испытаний может все-таки когда-либо привести к новому возрождению этой государственности, соответствующей высоким требованиям наступившего XXI в., третьего тысячелетия, торжества человечности и справедливости.